

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 372.882.161.1(09) ББК Ч403(2)5

Г. Т. Петкова
София, Болгария

«КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» П. БИЦИЛЛИ — УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ, LAPSUS, АВТОРСКИЙ КАНОН?

Аннотация. Текст знакомит с «Краткой историей русской литературы», написанной для русских школ в эмиграции П. М. Бицилли в его бытность профессором Софийского университета (1924–1948) и изданной в 1934 г. в Софии. Автор статьи рассматривает отдельные жанровые и дискурсивные характеристики этого проекта, степень его зависимости от дореволюционного и эмигрантского литературоведческого канона. Ставится вопрос о влиянии на учебник болгарской образовательной модели.

Ключевые слова: Бицилли, Болгария, «Краткая история русской литературы», авторский канон, эмигрантская школа, культурный диалог.

G. T. Petkova
Sofia, Bulgaria

«A SHORT HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE» BY P. BITZILI — A TEXTBOOK, LAPSUS, AUTHOR'S CANON?

Abstract. The text introduces «A Short History of Russian literature» written for Russian emigrant schools by P. M. Bitzili, a professor at Sofia University (1924–1948), and published in 1934 in Sofia. The author examines the genre and discourse features of this project, to what extent it is dependent on the pre-revolutionary and émigré literary canon and whether it is influenced by the Bulgarian educational model.

Keywords: Bitzili, Bulgaria, «A Short History of Russian literature», author's canon, emigrant school, cultural dialogue.

В 1934 г. в Софии выходит «Краткая история русской литературы. Часть II-ая. От Пушкина до нашего времени», написанная профессором П. Бицилли, заведующим кафедрой новой и новейшей истории Историко-филологического факультета Софийского университета (с 1924 г.). Его имя и академическая должность («титляр») фигурируют на обложке и на титульном листе книги. На посттитуле, в центре страницы, размещена информация: «Готовится к печати: Того-же автора Краткая история русской литературы, часть I-я». Там же, внизу, указан и адрес болгарской типографии «Витоша», где напечатано пособие. Название издательства, выпустившее его, нигде не обозначается.

Издание инициируется книжным торговцем Ник. Ник. Алексеевым¹, через книжную фирму которого Бицилли рассчитывался с парижскими «Современными записками» или получал от них книги. О плане Н. Алексеева «издать серию учебников», мы узнаем из письма Бицилли к редактору журнала В. Рудневу от 4 декабря 1933 г.²

В феврале 1934 г., по словам П. Бицилли, Н. Алексеев, все еще обумывая финансовую сторону этого проекта, хочет заказать ему написание учебника по истории русской литературы [письмо Бицилли к Рудневу от 16 февраля 1934 г.³]. В апреле того же года Бицилли уже работает над „руководством по русской литературе“, считая эту работу «самой трудной», «какую когда-либо доводилось делать» [письмо Бицилли к Рудневу от 13 апреля 1934 г.⁴]. В июле 1934 г. «книжка по истории рус-

ного. Это я могу подтвердить» [Бицилли 2012: 532]. Вероятно, рекомендация со стороны Бицилли была нужна в связи с возможным финансированием будущего издания Земгором, под эгидой которого находились многие эмигрантские школы. Адресат Бицилли — В. Руднев — был членом комитета Земгора. Судя по письмам Бицилли к В. Рудневу, Земгор курирует все вопросы эмигрантской школы и в Болгарии.

³ «Здесь Н. Н. Алексеев, к[ото]рого Вы знаете, все колеблется, не прогадает ли он на своем предприятии издания учебников и, в частности, просил меня спросить Вас, как Вы думаете: мог ли бы иметь сбыт учебник по ист[ории] русск[ой] литературы, который он хочет заказать мне. Мне лично кажется, что такая книжка — если только написать ее так, чтобы от нее не слишком пахло казенным учебником, могла бы пойти. Очень прошу Вас, если можете, не откладывая, поделиться со мною результатами Вашего опыта по этой части» [Бицилли 2012: 535].

⁴ «...Писал руководство по ист[ории] русск[ой] литературы, — самая трудная работа, какую когда-либо доводилось делать, п[отому] ч[то] в такой книжке каждое слово должно быть взвешено, и кроме того отчаянно трудно сказать все, что считаешь нужным, но так, чтобы было

¹ Сведения о Ник. Ник. Алексееве приводятся М. Бирманом и М. Шрубой в их комментариях к переписке Бицилли с редакторами «Современных записок» — В. Рудневым и М. Вишняком [Бицилли 2012: 518].

² «Н. Н. Алексеев недавно писал Вам о своем плане — издать серию учебников — и просил меня с своей стороны написать Вам о том, что я его лично знаю как человека делового и в деловых сношениях вполне надеж-

ской литературы» уже вышла из печати, и профессор собирается послать ее Рудневу с «просьбой дать рецензию» в ближайшем номере «Современных записок» [письмо Бицилли к Рудневу от 14 июля 1934 г.⁵].

В августе того же 1934 г. Бицилли писал Рудневу о «скандале», произошедшем с «Краткой историей» из-за предложенной издателем высокой цены, которая помешала ее «доступности». Книга мыслилась ее автором как скрещение трех факторов — рыночного, социального и профессионального: максимально высокое качество содержания за оптимально низкую цену при наиболее широком распространении по всей зарубежной России. Вопреки всем усилиям профессора, соединить материальный и символический капитал оказалось нереальным, и от издания первой части учебного пособия пришлось отказаться [письмо Бицилли к Рудневу от 10 августа 1933 (1934! — Г. П.)⁶].

Вероятно, «история русской литературы до Пушкина» имела бы достаточно узкий читательский круг и издавать ее первой вряд ли было выгодно издателю. Она, может быть, должна была выйти после реализации «истории русской литературы после Пушкина», способной своей культурной значимостью привлечь внимание и найти более широкий рынок сбыта. Как бы мы сегодня не реконструировали творческую историю создания учебника, его первая часть отсутствует, что, однако, не мешает целостности проекта. Первую часть «замещают» две «Хрестоматии по истории русской литературы», вышедшие в 1931 и 1932 гг. (по русскому фольклору и литературе допетровского времени и по литературе XVIII века, изданные при содействии Земгора [Бицилли 1931; Бицилли 1932]⁷). Хрестоматии были снабжены комментариями, на основании которых вполне реально написать первую часть «Краткой истории». Возможно, положительная реакция эмигрантского общества на эти издания, вобравшие труднодоступный материал и тем самым заполнившие дефицит школьных

понятно юношам 17–18 лет. Сейчас вчерне кончил. Не знаю, вышло или нет, а здесь и посоветоваться не с кем» [Бицилли 2012: 540].

⁵ «На днях пошлю Вам мою книжку по ист[ории] р[усской] л[итератур]ы с покорнейшей просьбой дать рецензию в ближайшем №» [Бицилли 2012: 541].

⁶ «С моей историей р[усской] л[итератур]ы вышел скандал. Я лез из кожи, стараясь ее сократить до последних пределов с тем, чтобы сделать ее доступной по цене всякому, а Алексеев, не посоветовавшись со мною, от большого ума, взял да и поставил прямо-таки дикую цену. Напишите ему, чтобы он сбавил ее: мож[ет] быть, Вас он послушает. По такой цене она, конечно, не пойдет, — и в таком случае придется отказаться от издания 1-й части» [Бицилли 2012: 525]. На задней обложке книги указана цена, составляющая «10 фр. фр».

⁷ См. об этих изданиях: «„Дать руководящую нить...“: русская (классическая) литература в концептуализациях П. М. Бицилли» [Петкова 2013: 338–353].

пособий, и подтолкнула Алексеева решиться издавать именно учебники.

В настоящем тексте остановлюсь на некоторых аспектах самой «Истории русской литературы» в качестве самостоятельного проекта, стоившего своему автору достаточно усилий и хлопот.

Книга Бицилли имеет следующее оглавление:

«От автора
Введение
Общий характер русской литературы в первой четверти XIX в.
Пушкин
Лермонтов
Гоголь
Белинский
Общий характер русской литературы после Гоголя
Тургенев
Толстой
Достоевский
Николай Сем. Лесков
Поэзия середины XIX в.
Идея народности и ее значение в истории русской литературы
Литература и общество во второй половине XIX в.
Антон Павл. Чехов
Русская литература новейшего времени
Приложение»

«Краткая история», как и хрестоматии, адресована «русской эмигрантской средней школе в качестве пособия для преподавателей и учащихся» [Бицилли 1934: 3]. В кратком вступлении «От автора», кроме адресата, уточняются ее цель, методологическое основание и структура. Отмечено, что ее цель — 1) дать общее представление о развитии русской литературы за рассматриваемый период («от Пушкина до нашего времени») и 2) помочь нашей [русской — Г. П.] молодежи выработать в себе навыки чтения художественных произведений, какие необходимы для понимания их *стилистических* (курсив автора — Г. П.) особенностей, без чего усвоение их *содержания* (курсив автора — Г. П.) — в истинном значении этого слова — просто невысказано [Бицилли 1934: 3].

Бицилли формулируют цель, колеблющую традиционное представление о назначении школьного учебника — **дать** (полужирный шрифт здесь и далее мой — Г. П.) **общее представление** о развитии литературы и **помочь молодежи выработать в себе** навыки чтения, работы с литературным текстом. Автор дистанцируется от существующего школьного интерпретационного канона («приемы изучения произведений словесного искусства»), как своеобразного свода, вобравшего биографии персонажей («биографии изображаемых в них людей»), в соответствии с чем составляются руководства, где излагается т. н. «содержание» этих произведений (сюжет и фабула)

и даются готовые характеристики персонажей («этих людей»)⁸.

Бицилли моделирует другую цепочку — 1) выработать у учащихся «навыки чтения художественных произведений», благодаря которым происходит 2) понимание стилистических особенностей произведения, в результате чего 3) усваивается его содержание [Бицилли 1934: 3]. Он считает, что этот подход стимулирует, а не пресекает прямую работу учащегося с текстом. Подобная стратегия прямо вытекает из концепции литературной истории как «истории стилей и жанров», заявленной еще в предисловии к первой части хрестоматии [Бицилли 1931: 3]. Иначе говоря, Бицилли предлагает проект интерпретации русской литературы, в основе которого дискурсивные — с точки зрения нынешнего метаязыка — критерии. «Дать общее представление о развитии» предполагает систематическое изложение, которое Бицилли в 1931 г. определял в предисловии к первой части хрестоматии как нежелательное в средней школе⁹.

Хронологическая рамка книги (от Пушкина до современности) соответствует авторскому пониманию того, что «история, которая пишется и преподается, должна, по возможности, не отставать от истории творимой» [Бицилли 1934: 3]¹⁰.

В последнем абзаце краткого текста «От автора» поясняется наличие «Приложения», в котором «даны краткие биографические сведения о тех писателях, знакомство с личностью и обстоятельствами жизни которых особо важно для понимания как их творчества, так и общего хода истории русской литературы» [Бицилли 1934: 3].

Во «Введении», исполняющем роль тематического вступления, Бицилли предлагает характеристику русской литературы XVIII века, подчеркивая ее связи с европейскими литературами, что и определило ее дальнейшее развитие в XIX в. Русская классическая литература — в соответствии с эмигрантским культурным каноном — в модели Бицилли мыслится как высшая национальная сим-

⁸ «...пора положить конец укоренившимся в нашей средней школе приемам изучения произведений словесного искусства как своего рода сборников биографий изображаемых в них людей, в соответствии с чем составляются и специальные руководства, где излагается «содержание» (в смысле сюжета, фабулы) этих произведений и даются готовые характеристики этих людей, так что в сущности учащимся уже нет нужды обращаться к самим авторам для того, чтобы иметь возможность удовлетворить школьным требованиям» [Бицилли 1934: 3].

⁹ «... систематическое (курсив у автора — Г. П.) прохождение истории литературы в средней школе не является ни возможным, ни желанным», так как «может воспитать верхоглядство и сводится к зубрежке» [Бицилли 1931: 3].

¹⁰ История «реальная» и история «писанная» для Бицилли оставались разными величинами. Это отдельный разговор, относящийся к позициям профессионального историка.

волическая ценность, которая, однако, неотделима от европейской культуры и вписана в ее контекст¹¹.

Как видно из «Оглавления», русская классическая литература представлена обобщающими статьями и персоналиями, которые следуют хронологическому принципу. Обобщающие статьи не строятся по единому образцу, хотя стремятся выявить некие тенденции литературного развития и доминирующие жанры. Наряду с этим каждая из статей имеет свои акценты, например, развитие поэтического языка данного периода, или включает в себя «миниперсоналии», посвященные различным прозаикам или поэтам. Каталог тем этих глав выглядит примерно так: Карамзин и карамзинизм; драматическая литература классического направления; В. А. Озеров, А. Шаховской, М. Загоскин; «Горе от ума» А. Грибоедова; басни А. Крылова; романтизм как литературное направление, его европейский контекст, переводы на русский язык; В. Жуковский; письменная литература и домашняя письменность («Общий характер русской литературы в первой четверти XIX в.»); романтизм и реализм; жанр романа, расцвет русского романа в середине 50-х гг. XIX в.; Ал. Герцен, С. Аксаков, западничество и славянофильство; Ив. Гончаров; А. Писемский («Общий характер русской литературы после Гоголя»); место поэзии в середине XIX в.; Ап. Майков; А. Фет и Ф. Тютчев (в сравнительном плане), их поэтические идиомы; Я. Полонский, гр. А. Толстой, Н. Некрасов (в сравнении с Тютчевым и Лермонтовым) («Поэзия середины XIX в.»).

В отдельной главе рассматривается «народность» русской литературы как общее направление, сложившееся постепенно в процессе русского национального развития, начиная со второй половины XVIII в. Эту проблематику Бицилли связывает с культурными различиями между Западом и Россией, особенно на уровне религиозного развития. В той же главе он говорит и о драматургии А. Островского, упоминает произведения Вл. Даля, Мельникова-Печерского, Н. Лескова, представляющие «этнографический интерес» («Идея народности и ее значение в истории русской литературы»).

Обзорная глава по второй половине XIX в. («Литература и общество во второй половине XIX

¹¹ «Этим определился характер развития русской литературы в XIX веке. Она была самой богатой, самой разнообразной по направлениям и по идейному содержанию из всех европейских литератур того же времени; в ней с наибольшей полнотой сказались результаты всего предшествующего развития европейского человечества; а богатство наследия, которым она располагала, и свобода отношения к нему обусловили собою и исключительное художественное совершенство произведений ее величайших представителей» [Бицилли 1934: 6].

в.») рассматривает культурную ситуацию в России накануне великих реформ, развитие общественного мнения, культурные топосы эпохи (журналы «Современник», «Отечественные записки», «Колокол»), развитие жанра краткого бытового очерка; круг Решетникова, Слепцова, Н. Успенского, Помяловского; творчество М. Салтыкова-Щедрина (в сравнении с Гоголем); состояние и движение литературной критики — А. Григорьев, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Ник. Михайловский (эта часть главы функционально связана с главой о Белинском и представляет собой отдельный очерк). Вместе с народнической критикой говорится и о писателях, примыкавших к этому направлению — Гл. Успенском, Вс. Гаршине, В. Короленко.

Персональные главы посвящены каноническим именам русского классического века — Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Тургеневу, Толстому, Достоевскому, Чехову, они и озаглавлены только фамилией. Посвящая отдельную главу Белинскому как преобразователю русской критики, Бицилли интерпретирует его взгляды на фоне историософских идей Петра Чаадаева. Среди персоналий Бицилли включает и Н. Лескова с его сказовой повествовательной формой и героем праведником-подвижником.

В массиве XIX в. две последние персональные главы озаглавлены не только фамилиями писателей, как все до сих пор, а «расширительно» — «Николай Сем. Лесков (1831–1895)» и «Антон Павл. Чехов (1860–1904)». Вероятно, добавочная информативность была нужна, чтобы ввести «нового» для школьного канона Лескова, а потом, может быть, механически распространилась и на последнюю писательскую фигуру — А. Чехова.

Персональные главы далеко не замыкаются на творчестве писателя, имя которого вынесено в заглавие. Например, в главе о Пушкине говорится о его дяде В. Л. Пушкине и поэме «Опасный сосед», о П. Вяземском, «Арзамасе», Н. Дельвиге, Е. Баратынском. Аналогично построены и остальные персоналии, они акцентируют заглавную фигуру, но далеко не ограничиваются ей. Бицилли часто представляет данную личность или творчество в характерном для его метода сравнительном ракурсе или выявляет параллели между произведениями различных авторов.

Изложение включает и русскую литературу XX века, начиная с отдельных модернистских жестов начала века и кончая ее разобщенностью на метропольную и эмигрантскую.

Весь массив XX века расположен только в одной, похожей на хронику главе — «Русская литература новейшего времени». В ней упомянуты с краткими характеристиками упадническая культура и К. Леонтьев с его концепцией общего упадка ев-

ропейской культуры; декаденты; символизм; Иннокентий Анненский, К. Бальмонт, В. Брюсов, В. Розанов, Д. Мережковский, В. Соловьев, З. Гиппиус, А. Белый, А. Блок, Н. Гумилев; акмеизм, М. Кузмин. Перечисляются имена поэтов (Ахматовой, Цветаевой, Ходасевича, О. Мандельштама, Г. Иванова, Адамовича, Н. Оцупа, а также Хлебникова, Есенина, Маяковского, Пастернака) и прозаиков — И. Бунина, А. Куприна, И. Шмелева, А. Ремизова, Б. Зайцева, А. Н. Толстого, Н. Тэффи. Общая оценка модернизма неоднозначна и в сравнении с Золотым веком Серебряный явно проигрывает.

Бицилли буквально в самом конце этой главы останавливается на метропольной и эмигрантской литературе. Он очерчивает „модель“ новой советской литературы: доминанция жанра романа-эпопеи в лице Шолохова, Федина, Пильняка, Леонова и писательский труд как «общественная служба», долженствующий соответствовать «социальному заказу»¹². Автор заключает, что требования, предъявляемые творчеству, сковывают его свободу и подрывают художественное достоинство литературных произведений.

В эмиграции же писатели пользуются свободой, но их читательская аудитория небольшая. Для Бицилли главное, что «писатели и читатели живут в чуждой для них среде, оторваны от родины, и преобладающее у них — настроение духовного одиночества» [Бицилли 1934: 87]. Этим настроением отмечены произведения всех даровитых эмигрантских писателей — и прозаиков, и лирических поэтов.

Обе ситуации для развития национальной литературы, по мнению профессора, кризисные¹³: этой констатацией заканчивается основной корпус «Краткой истории». Так в школьном учебнике 1934 г. артикулируется идея двух потоков постреволюционной русской литературы задолго до «Русской литературы в изгнании» (1956) Глеба Струве или международного женева симпозиума 1978 года «Одна или две русских литературы?».

В «Приложении» опубликованы биографические сведения об А. Грибоедове, А. Пушкине, М. Лермонтове, Н. Гоголе, И. Тургеневе, Л. Толстом, Ф. Достоевском, Н. Некрасове, А. Блоке, Н. Гумилеве. Сведения эти, однако, далеко не

¹² «На самом деле это (социальный заказ — Г. П.), однако, значит, что он (писатель — Г. П.) обязан в своем творчестве соотноситься с мнениями и требованиями власти, освещать жизнь так, чтобы быть в согласии с ее предначертаниями, содействовать воспитанию общественного сознания в ее духе» [Бицилли 1934: 87].

¹³ «Так в силу различных, но одинаково тяжелых и ненормальных условий жизни, русская литература в России и в эмиграции дает меньше, чем она могла бы дать — если судить по тому, как много появилось в наши дни даровитых писателей и какого мастерства некоторые из них достигли» [Бицилли 1934: 87–88].

являются только биографическими справками. В них вклиняются комментарии и интерпретации культурного контекста, а также тех или иных взглядов авторов, их творческих связей и столкновений. Каждое авторское «гнездо» обособляется как словарная статья, в его начале фамилия, имя и отчество соответствующего писателя выделены разрядкой, за ними сразу следует дата рождения. «Приложение», несмотря на свою отдельность в структуре книги от остального аналитического корпуса, не является обособленной частью, оно создает эффект дописывания и продолжения основного текста. Именно в «Приложении» состоялся «хронологический» финал «Краткой истории». В конце относительно обширной биографической справки о Блоке, говорится об его восприятии Октябрьской революции: «Ему было невыносимо провозглашенное деятелями Октябрьской революции в теории и проводимое ими на практике полное отрицание принципа свободы личности, свободы совести, свободы мысли и слова. Состояние нравственного угнетения, в которое он впал, было настолько велико, что повлекло за собою полное истощение сил. 7 авг. он скончался» [Бицилли 1934: 99]. И дальше, на той же строке, без каких-либо внешних демаркационных знаков, идет продолжение — «В ту же пору трагически погиб другой поэт, игравший наряду с Блоком, видную роль в литературном движении новейшего времени, Н. С. Гумилев¹⁴. Он не скрывал своего резко-отрицательного отношения к коммунистической власти, и это дало повод заподозрить его в участии в заговоре против нее. 21¹⁵ августа он был расстрелян вместе с другими привлеченными по тому же делу» [Бицилли 1934: 99]. На этом «Приложение» обрывается, этим абсолютным концом завершается и «Краткая история». Если в биографическом приложении подобный перформативный финал адекватен, в систематическом курсе он повисает своей языковой нехваткой: школьнику не объясняется, что смерти Блока и Гумилева в 1921 году воспринялись как некий рубеж, ознаменовавший не только закат Серебряного века, но и конец дореволюционной русской литературы и культуры.

Беглый обзор книги Бицилли показывает, что на ста страницах уместилась скорее не «история», а авторский конспект русского литературного развития. Компрессию диктовали законы рынка — издатель Н. Алексеев из финансовых соображений

требовал максимального сокращения объема. Сжатость производила предложения-«чудовища», иногда размером в абзац, построенные паратактически, где двоеточие или точка с запятой нанизывали лаконичные или афористические фразы¹⁶. Если эти смысловые сгустки «развернуть», получилась бы совсем иная книга.

Ни персональные главы, ни обобщающие, ни тем более «Приложение» не замкнуты на самих себе, они прорастают линками и параллелями друг к другу, нарушая линейность и генерируя смыслы, выходящие далеко за рамки конкретно обозначенного заглавия. Таким образом, соблюдая хронологию, Бицилли раскрывает многообразие литературного процесса, а не воспроизводит застывшую родословную литературных генералов XIX века. Следить за его мыслью, раскодируя «темноту сжатости», если использовать цветаевское определение лирики Пастернака, требовало интеллектуального усилия, отличного от чтения, восприятия или воспроизводства авторитетного школьного пособия.

Бицилли волновался по поводу написанного и не знал, что «вышло»¹⁷. Как было уже отмечено, сразу по выходу «Краткой истории» в июле 1934 г., он стал заботиться об ее рецензировании¹⁸. Вероятно, В. Руднев предпринял шаги в эту сторону и просил В. Ходасевича написать отзыв. Ходасевич отказался, так как не хотел давать „уничтожающую“ рецензию, он посчитал книгу «ляпсусом», не приняв в первую очередь ее «метод» (письмо В. Ходасевича к В. Рудневу от 23 августа 1934 г.¹⁹). Пока мне удалось разыскать шесть рецензий / отзывов, все они более, чем положительные. Первой в августе 1934 г. вышла рецензия поэта Г. Адамовича, дальше друг за другом появились тексты литературоведа К. Мочульского, журналиста П. Пильского, болгарского историка Кр. Крачунова, журналиста Гл. Волошина и поэта М. Горлина.

В рецензентском дискурсе «Краткая история» утверждается как некий элитный

¹⁴ Инициалы и фамилия не выделяются разрядкой.

¹⁵ Оставляю дату так, как она опубликована в «Краткой истории». Не могу сказать, ошибся ли Бицилли при ее написании, или при печатании рукописи не справились с его почерком, если в ней была выведена семерка: в конкретном случае это не имеет значения.

¹⁶ Привожу только один пример — пассаж о Иване Гончарове: «В „Обломове“, „Обрыве“, также в повести „Обыкновенная история“ множество удачных наблюдений, метко схваченных черт; превосходны описания бытовой обстановки; остроумны и правдивы характеристики второстепенных персонажей (напр., слуга Обломова Захар); но все это не одушевлено, не слито воедино так, чтобы получилось то общее впечатление, какое производит на нас действительная жизнь; люди, изображаемые Гончаровым, редко кажутся нам живыми людьми и возбуждают в нас участие к себе» [Бицилли 1934: 36].

¹⁷ См. прим. № 4.

¹⁸ См. прим. № 5. О рецензиях на книгу Бицилли, как и об «обмене рецензиями», в котором участвовал и сам профессор, написана другая публикация, находящаяся в печати.

¹⁹ «... эта книга его (Бицилли — Г. П.) lapsus» [Ходасевич 2012: 354].

литературоведческий проект. Он не-коммунитарен, достаточно единичен и закамуфлирован под школьную пропедевтику. Его (не)приложимость к массовому преподаванию в эмигрантской школе не обсуждается. Педагогический акцент в обсуждениях поставили рецензенты из Болгарии: русский эмигрант, журналист и добрый знакомый Бицилли Глеб Волошин²⁰ и этнический болгарин, историк и инспектор болгарского Министерства народного просвещения — Кр. Крачунов²¹. Из них только Крачунов имел прямое отношение к преподаванию в средней школе (тогда — гимназии), хотя и не-эмигрантской. Его апологетический отзыв конкретизировал чужое как болгарское и показал, как это пространство среагировало на «Краткую историю русской литературы» Бицилли, выявив ее другой, не-эмигрантский, адресат и горизонт бытования.

На этом фоне неожиданно для меня встал вопрос о возможном болгарском следе в создании учебника Бицилли. Приезжая в Болгарию в 1924 г., профессор оказался в стране, где преподавание русского языка в гимназиях, начавшееся сразу после Русско-турецкой войны (1877–1878), имело свое профессиональное и институциональное измерение²². В XX веке, согласно программе Министерства народного просвещения 1910 г., русский язык изучался в трех классах гимназий: V, VI и VII [Бабов 1977: 96]. С 1925 г. изучение ограничено только в V и VI классах. Во второй половине 1920-х гг. и в начале 1930-х гг. в болгарском обществе шли дебаты по поводу предпринятого сокращения заня-

тий русского языка и поворота от «восточной» культуры к «западной» [Бабов 1977: 105].

Преподавание проводилось по т. н. смешанному методу — изучение языка на определенном этапе осуществлялось на основании текстов русских классиков. Министерские программы 1912 и 1915 гг., когда русский язык изучался в трех классах гимназий, создали благоприятные обстоятельства для создания различных учебных пособий. На начальном этапе обучения они печатались под названием «Русская хрестоматия» и включали отрывки из произведений русских писателей, снабженные соответствующим словарем²³.

На фоне всех пособий мой интерес привлекли два издания. Это сборник художественных текстов «Цветы», составленный группой преподавателей русского языка. Он служил учебником-хрестоматией для V и VI класса гимназий и с 1915 по 1935 г. переиздавался шесть раз [Бабов, 1977:105]²⁴. Структуру этой учебной книги составляют отдельные писательские «гнезда», в начале каждого изображение автора и биографическая справка о нем, после которой следуют отрывки из его произведений.

«Цветы» появились вслед другому изданию, довольно любопытному. Это «Литературный сборник»²⁵, вышедший впервые в 1912 г. и составленный болгарскими учителями русского языка Дино Божковым и Благоем Томевым. Вступительную статью и литературные комментарии написал молодой тогда филолог болгарофил Николай Севастьянович Державин (1877–1953), профессор Петроградского университета (с 1917 г.), академик (с 1931 г.) и последователь «нового учения о языке» Н. Марра. Это пособие было очень популярно в Болгарии, до 1941 г. оно переиздавалось шесть раз [Бабов 1977: 104].

²⁰ Глеб Волошин (1892–1937) — подполковник Добровольческой армии, юрист, публицист. В эмиграции жил в Болгарии, секретарь Союза русских писателей и журналистов, редактор газет «Русь», «Голос» и «Голос труда». Сотрудничал в «России и славянстве» (Париж) и журнале «Современные записки» (Париж), в болгарской печати.

²¹ Крстью (Кръстю) Крачунов (1881–1946/47?) — болгарский историк, воспитанник Сорбонны, посвятил двадцать восемь лет своей жизни болгарскому образованию. Учитель истории, географии и французского языка в Первой мужской гимназии в Софии, потом — инспектор по истории в Министерстве народного просвещения. Секретарь Исторического общества и редактор «Известий исторического общества». Данные о Крачунове приводятся благодаря любезному содействию болгарского историка проф. д. и. н. Рай Заимовой [Заимова 2010: 167–178].

²² См. цитированную в списке Литературы главу из книги болгарского исследователя, первого профессора методики Софийского университета, Кирилла Бабова (1920–1992), и в частности его обзор «Преподавание русского языка в болгарских школах с начала нашего века до 9. IX. 1944 г.» («Преподаване на руския език в българските училища от начало на нашия век до 9. IX. 1944 година») [Бабов 1977: 94–111]. Выражаю свою благодарность моей коллеге с кафедры методики Факультета славянских филологий д-ру филологии Аглае Мавровой за предоставленную книгу К. Бабова и за наши обсуждения учебников и методов преподавания русского языка до и после государственного переворота 9 сентября 1944 г.

²³ См. например: Хр. Буров и А. Желязков. Русская хрестоматия. Составлена по новой программе (1918 год.) Министерства народного просвещения для II-го класса гимназий. Второе изд., София, Книгоиздательство и типография «Елит», 1921; Хр. Буров и А. Желязков. Русская хрестоматия. Составлена по новой программе Министерства народного просвещения для V-го класса гимназий. Пятое изд., София, Издание на книжарницата на Ц. Н. Чолаков, 1928.

²⁴ Д. Божков, М. Генов, Хр. Буров, Г. Цветинов. Цветы. Учебная книга для учащихся VI-го класса в средних школах по программам Министерства народного просвещения. Составленная группой преподавателей русского языка. Пятое поправленное издание. Издава Т. Ф. Чипев, София, 1928.

²⁵ Литературный сборник. Учебная книга, составленная по новой (1912 г.) программе Министерства народного просвещения для III и IV-го класса гимн.; с подробным словарем, с ударениями и с литературно-историческими комментариями петербургского профессора Н. С. Державина (полужирный шрифт оригинала — Г. П.). Первое издание. София. Печатница П. Глушков. 1912.

В самом начале сборника опубликовано обращение авторов к Николаю Севастьяновичу Державину, которому они посвящают книгу. Далее цитируется министерская программа по русскому языку, и «вместо предисловия» напечатаны отрывки из двух рецензий министерства на «Литературный сборник». Позволю себе процитировать отрывки из этих документов, которые небезынтересны с точки зрения обсуждаемой темы.

Из программы Министерства по русскому языку для III и IV класса гимназий: «В качестве введения к чтению даются краткие биографические характеристики писателей, из сочинений которых предлагаются отрывки, и приводятся краткие историко-литературные оценки этих же сочинений»²⁶.

Из отзыва первого рецензента: «Согласно требованиям этой программы ... (даются) ... краткие биографические сведения о писателях и историко-литературные оценки их произведений, которым предшествует общая характеристика значения русской литературы 19 века...»²⁷.

Из отзыва второго рецензента: «Биографическо-литературные очерки являются настоящим украшением сборника и станут ценным вкладом в наши знания по русской литературе ... эти очерки написаны специально для сборника ..., предназначенного болгарским школьникам, с учетом нашей программы по русскому языку»²⁸.

В абсолютном начале книги в рамках трех страниц трижды акцентируется «биографический» компонент издания, и эта информация сразу бросается в глаза. Основное тело «Литературного сборника» состоит из вступительной части «Общий характер и значение русской художественной литературы XIX века» и семи писательских «гнезд», посвященных каждому из авторов — Пушкину, Гоголю, Лермонтову, Тургеневу, Льву Толстому, Чехову и Владимиру Короленко. Эти «гнезда» снабжены вступительной частью, в которой опубликованы изображение писателя и биографические сведения о нем. За ней следовали художественные произведе-

ния или отрывки из них с расставленными ударениями. Биографические сведения, однако, не исчерпывались только фактами биографии, в них включались оценки творчества и интерпретации текстов.

Поскольку издание следовало образовательной программе болгарского министерства, можно считать, что оно выражало некий «чужой» школьный канон русской литературы²⁹. Насколько эта программа, да и сам сборник зависели от русского канона и интерпретаторского горизонта Николая Державина — в конкретном случае вопрос второстепенный. Важно то, что «Литературный сборник» должен представить русское литературное развитие XIX века иностранному учащемуся/гимназисту. Этому реципиенту, внеположному по отношению к русскому культурному контексту, было необходимо, перед тем как заставить читать конкретное произведение, на основе которого «обучать» русскому языку, дать общее представление о писателе, с именем которого он возможно сталкивался впервые.

Могло ли это издание попасть в поле зрения Бицилли и могло ли оно как-то оказать влияние на моделирование рефлексии в «Краткой истории», в структуре которой обособляется «Приложение» с «краткими биографическими сведениями»? Я далека от мысли, что между конструкциями

«... (даются) ... краткие биографические сведения о писателях и историко-литературные оценки их произведений, которым предшествует общая характеристика значения русской литературы в 19 веке...» [Литературный сборник 1912].

и

«...даны краткие биографические сведения о тех писателях, знакомство с личностью и обстоятельствами жизни которых особо важно для понимания как их творчества, так и общего хода истории русской литературы» [Бицилли 1934: 3]

существует прямая связь. У меня нет документальных свидетельств о том, что Бицилли видел или был знаком с болгарскими учебниками и хрестоматиями по русскому языку, переиздававшимися на протяжении 1920-х — начала 1930-х гг. Педагог Бицилли, однако, активно участвовал в делах эмигрантской школы в Болгарии, отстаивая собственное понимание того, как построить учебное дело здесь и наладить отношения с принимающей стороной в лице Министерства народного просвещения, сохранив при этом автономию русских гимназий [Петкова 2013: 339–341].

²⁶ Перевод на русский язык, намеренно близкий к оригиналу, здесь и далее — мой, Г. П. «Като увод към четенето се дават къси биографични характеристики на писателите, из съчиненията на които се четат откъслечи и малки историко-литературни оценки на тези съчинения» [Литературный сборник 1912].

²⁷ «Съгласно исканията на тая програма ... (дадени са) ... кратки биографични сведения на писателите и историко-литературни преценки на техните произведения, предшествовани от една обща характеристика за значението на руската литература изобщо в 19 век...» [Литературный сборник 1912].

²⁸ «Биографично-литературните очерки са едно истинско украшение на сборника и ще бъдат ценен влог в нашите знания по руска литература. С пълно основание авторите изтъкват в предговора, че тия очерки са направени специално за сборника им, назначен за български ученици, с оглед на нашата програма по руски език» [Литературный сборник 1912].

²⁹ В этом болгарском школьном каноне, как видно, отсутствует Ф. Достоевский.

Будучи членом Учебного комитета, осуществлявшего «надзор в учебно-воспитательном отношении» над русским школьным делом в Болгарии [Бицилли 2012: 545], он мог быть в курсе происходящего на образовательном поприще в принимающей стране. «Литературный сборник» мог привлечь его внимание и именем Н. Державина, последователя марризма в языкознании: в конце 1920-х и начале 1930-х гг. интересы Бицилли были сдвинуты в сторону проблематизации национального языка и истории русского литературного языка.

Если же принять точку зрения, что Бицилли ни при каких обстоятельствах не видел и не знакомился с болгарскими учебными пособиями, а текстуальную переключку между цитатами выше объявить случайной, то трудно не заметить, что и в обоих пассажах подчеркнута роль биографического компонента как структурного элемента книг, о котором необходимо сообщить во вступлениях.

Учебник Бицилли писался в 1934 г., он адресован русской эмигрантской средней школе середины и второй половины 1930-х гг. Он обращен к молодежи, которая практически познавала Россию со стороны и, несмотря на живую домашнюю или общностную память, постепенно отдалялась от своей культуры и литературы. Стилистический анализ, который рекомендовал Бицилли как сущностный для курса литературной истории XIX века и литературоведческого преподавания, предполагал хорошее знание русского исторического, культурного, идейного контекста эпохи. Раздел «Приложение», наоборот, выражал сомнение в наличии этих знаний и пытался их компенсировать.

Частный вопрос — насколько чужая образовательная модель была в состоянии стать импульсом для конструирования собственной, можно сформулировать расширительно. Тогда он прозвучал бы примерно так: насколько провинциальная / периферийная Болгария могла «непредсказуемо» воздействовать, т. е. стимулировать некий, я бы сказала, следуя интуициям Ю. Лотмана³⁰, не «взрыв», а «микровзрыв» в замкнутой эмигрантской культуре?

Дальнейшие наблюдения внесли бы заметную конкретику в концептуализацию «диалога» между эмиграцией и принимающей стороной или отвергли бы саму постановку вопроса. Если вернуться в проблемное поле педагогики и к книге Бицилли, то возможное «непредсказуемое» воздействие болгарской образовательной модели на эмигрантскую маскируется воспроизводством русского дореволюционного и эмигрантского

металитературного канона, под который в свою очередь маскируется авторский канон профессора.

В 1938 г. редактор «Современных записок» И. Фондаминский попросил Бицилли «дать книгу по русской литературе» для готовящейся «Русской научной библиотеки» [Бицилли 2012: 495, 607]. Он предположил, что профессору легче всего написать по русской литературе XIX века, учитывая, очевидно, издание «Краткой истории» несколько лет назад [Бицилли 2012: 495, 607]. Рыночные условия на этот раз были более, чем благоприятные: срок написания — от полтора до двух с половиной лет, объем — максимум в 20–25 листов. Предложение не реализовалось, и «улучшение» изданной четыре года назад книги не состоялось, оставляю в сторону внешние обстоятельства европейской жизни конца 1930-х гг. После 1934 г. Бицилли к систематическому литературоведческому курсу не возвращался.

«Краткая история», судя по всему, осталась невостребованной — и в своем, и в чужом пространстве. В период своей актуальной значимости «взрывной процесс» она не стимулировала. Возможный патетический финал о сохраненной культурной памяти и значимости книги Бицилли для современного читателя и исследователя пропускаю, ибо отношусь к нему весьма скептически.

ЛИТЕРАТУРА

Бабов, К. Руският език в българските училища след Освобождението (1878–1944) // Руският език в българските училища. 1846–1976. София: Държавно издателство «Народна просвета», 1976. С. 50–119.

Бицилли П.М. Хрестоматия по истории русской литературы. Часть I. Народная словесность и литература допетровского времени. София: Издание Российского Земско-городского комитета, 1931.

Бицилли П.М. Хрестоматия по истории русской литературы. Часть II. Литература XVIII века. Париж: Издание «Родина и Родная речь». Склад издания УМСА-Press, 1932.

Бицилли П.М. Краткая история русской литературы. Часть II-ая. От Пушкина до нашего времени. София: [без издательства], 1934.

Бицилли П.М. „«Современные записки» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них”: П. М. Бицилли / Публикация и примечания М. А. Бирмана и М. Шрубы; вступительная статья М. А. Бирмана. // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под редакцией Олега Корестелева и Манфреда Шрубы. М: НЛО, 2012. Т. 2. С. 479–646.

Крачунов К. Между книгите и списанията. Професор П. Бицилли — Краткая история русской литературы. Ч. II, София, 1934 // Литературен глас VII. София. № 263 / 20 февруари 1935, С. 4.

³⁰ См. главу «Постепенный прогресс» книги Ю. Лотмана «Культура и взрыв» [Лотман 1992: 17–24].

Заимова Р. Русо — Крачунов или за един български прочит // Природа и общество. Нови изследвания за Жан-Жак Русо. Nature et Société. Nouvelles études rousseauistes. Съст. и ред. Р. Заимова и Н. Аретов. София: Кралица Маб, 2010. С. 167–178. [Электронный ресурс] URL: http://www.bulgc18.com/Rousseau/Zaimova_bg.htm (дата обращения 26.01.2014).

Литературный сборник. Учебная книга, составленная по новой (1912 г.) программе Министерства народного просвещения для III и IV-го класса гимн.; с подробным словарем, с ударениями и с литературно-историческими комментариями петербургского профессора Н. С. Державина. Первое издание. София: Печатница П. Глушков. 1912.

Лотман, Ю.М. Постепенный прогресс // Культура и взрыв. Москва: «Гнозис». Издательская группа «Прогресс». 1992. С. 17–24.

Петкова Г. «Дать руководящую нить ...»: русская (классическая) литература в концептуализациях П. М. Бицилли // Toronto Slavic Quaterly. № 44. Spring 2013. С. 338–353. [Электронный ресурс] URL: http://www.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_petkova.pdf (дата обращения 26.01.2014)

Ходасевич В.Ф. «Журнальная работа и впроголодь не кормит»: Н. Н. Берберова и В. Ф. Ходасевич / Публикация, вступительная статья и примечания Дж. Малмстада // Современные записки (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под редакцией Олега Корестелева и Манфреда Шрубы. Т. 2. М: НЛО, 2012. С. 255–440.

ДААННЕ ОБ АВТОРЕ

Галина Петкова — доктор филологии, главный ассистент кафедры русской литературы Факультета славянских филологий Софийского университета «Св. Климент Охридский».

Адрес: 1504 София, Болгария, бул. «Царь Освободитель», 15

E-mail: petkova@slav.uni-sofia.bg

ABOUT THE AUTHOR

Galina Petkova is a Doctor of Philology, Assistant Professors of Sofia University St. Clement of Ohrid.